

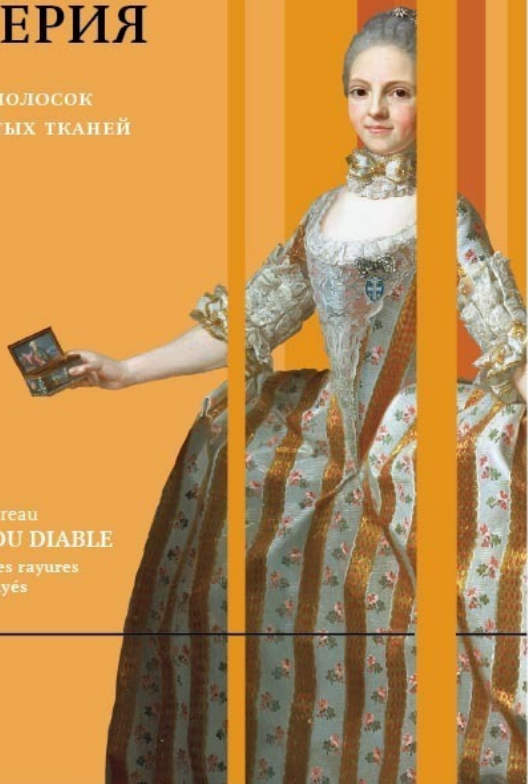
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА "ТЕОРИЯ МОДЫ"

МИШЕЛЬ ПАСТУРО

ДЬЯВОЛЬСКАЯ МАТЕРИЯ

ИСТОРИЯ ПОЛОСОК
И ПОЛОСАТЫХ ТКАНЕЙ

Michel Pastoreau
L'ÉTOFFE DU DIABLE
Une histoire des rayures
et des tissus rayés

Мишель Пастуро
Дьявольская материя
Серия «Библиотека
журнала «Теория моды»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48786138

*Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей: Новое
литературное обозрение; Москва; 2019
ISBN 978-5-4448-1346-1*

Аннотация

Название этой книги звучит интригующе: неужели у полосок может быть своя история? М. Пастуро утвердительно отвечает на этот вопрос: их история, которую он прослеживает вплоть до конца XX века, полна самыми невероятными событиями. Каждая эпоха порождала новые практики и культурные коды, постоянно усложнялись системы значений, связанных с полосками как в материальном, так и в символическом плане. Во времена Средневековья полосатая одежда воспринималась как нечто низкопробное, возмутительное, а то и просто дьявольское. Во времена Возрождения и романтизма получили распространение «правильные» полоски – знаки праздников и символы свободы. Современная культура восприняла все практики и коды предыдущих эпох: «дьявольские» коннотации (полосатая

одежда узников лагерей смерти) или сигнализирующие об опасности (зебра и другая разметка дорожного движения); полоски, связанные с гигиеной (постельные наборы и нижнее белье), спортом (профессиональная экипировка), игрой и т. д. Семиология полосок рассматривается Пастуро прежде всего в социальном контексте и служит лишь приближением к еще не написанной энциклопедии. Мишель Пастуро – французский историк-медиевист, профессор Практической школы высших исследований в Париже.

Содержание

Порядок и путаница в мире полосок	5
Дьявол в полосатых одеждах (XIII–XVI века)	12
Скандал с кармелитами	13
Полосатые ткани – нехорошие ткани	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мишель Пастуро

Дьявольская материя.

История полосок и полосатых тканей

Посвящается Анне

Порядок и путаница в мире полосок

...в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся.

Книга Левит (19: 19)

«Этим летом отважьтесь на шик в полоску!» В этом экстравагантном слогане, что несколько месяцев назад заполнил рекламные щиты парижского метро, важно каждое слово. Но, думается мне, самое значимое здесь – глагол *отважиться*. Получается, что в самом появлении на публике в полосатой одежде есть что-то неестественное и шокирующее. Для этого надо обладать определенной смелостью, преодолеть застенчивость и не бояться оценки окружающих. Но отважившийся будет вознагражден: он приобщится к *шику*, к той непринужденной элегантности, что отличает людей

утонченных и свободных. Мы вновь видим парадокс, столь характерный для нашего времени: для успешного функционирования любой социальной код может и даже обязан изменяться с точностью до наоборот. Так то, что изначально воспринималось как нечто ущербное и неполноценное, становится знаком превосходства.

Словом, историку тут есть о чем подумать. Велик соблазн обратиться в глубь веков и провести параллель между предполагаемой дерзостью нынешних полосок и многочисленными скандалами, которые они вызывали на протяжении всего Средневековья. Мы увидим, что полоски – это всегда неспроста, и история костюма демонстрирует это с особой наглядностью.

История, литература и иконография средневековой Европы свидетельствуют о множестве персонажей, традиционно носивших полосатую одежду. Евреи и еретики, шуты и жонглеры, палачи, проститутки и прокаженные, а также воин-предатель из романа о рыцарях Круглого стола, безумец из Книги Псалмов и сам Иуда Искарот – все они были изгоями и отверженными, все они нарушали или искажали существующий порядок вещей, и все они в той или иной мере связаны с дьяволом. Составить список всех этих «отверженных в полосатых одеждах» – дело несложное; гораздо сложнее понять, почему именно эта одежда была призвана подчеркнуть их негативный статус. Причем здесь нет ничего мистического или случайного – напротив, множество источни-

ков открыто характеризуют одежду в полоску как нечто низкопробное, возмутительное, а то и просто дьявольское.

А может быть, люди Средневековья искали в Священном Писании оправдание для собственной нелюбви к полоскам? Действительно, в 19-й главе книги Левит, наряду с прочими предписаниями морального и культурного характера, запрещающими смешивание, в 19-м стихе мы читаем: «*Veste, quae ex duobus texta est, non indueris*» («В одежду из различных нитей... не одевайся», буквально – «одежду, сотканную из двух». – *Прим. пер.*). Но латинский текст Вульгаты мало что объясняет, равно как и Септуагинта. Можно предположить, что в исходном тексте за *duobus* следовало существительное, уточняющее, какие именно ткани или элементы одежды запрещено сочетать. А значит, допустимо и такое прочтение (исходя из слова *texta*, а также нескольких параллельных мест из Ветхого Завета): «Не надевай одежды из шерсти и льна» (то есть сотканной из ткани как животного, так и растительного происхождения)¹.

Или же стоит сделать акцент на *duobus* – возможно, имеется в виду *duobus coloribus*? Тогда фразу следует понимать следующим образом: «В двуцветную одежду не одевайся». В современных переводах Библии выбран первый вариант, поскольку он ближе к греческому тексту, но средневековые

¹ Столь же недвусмысленное предписание находим в 22-й главе Второзакония: «Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе» (Втор. 22: 11).

теологи и священнослужители иногда предпочитали второй и могли увидеть запрет на украшения и цвета даже там, где речь шла исключительно о волокнах и тканях.

А если суть проблемы не только и не столько в текстологии, но в особенностях зрительного восприятия? Создается впечатление, что человек Средних веков болезненно воспринимал любые изображения на плоскости, где фигура недостаточно отделена от фона, так что трудно сфокусировать взгляд. Глаз средневекового человека склонен к тому, чтобы последовательно считывать пласт за пластом. Любая картина, любая поверхность кажется ему выстроенной «в глубину», точно слоеный пирог в разрезе. Это структура, состоящая из нескольких планов, наложенных друг на друга в определенной последовательности, и для того, чтобы прочесть изображение правильно, нужно, начав с заднего плана, пройти все промежуточные пласты и закончить передним планом – логика, противоположная нынешнему способу восприятия. Но с полосками такое чтение становится невозможным: здесь нет ни заднего, ни переднего плана, ни фона, ни фигуры; существует лишь двуцветная плоскость, поделенная на четное количество полосок то одного, то другого цвета. В случае с полосками, как, впрочем, и с шахматной доской (еще один образ, подозрительный с точки зрения средневекового восприятия), структура *совпадает* с фигурой. Не в этом ли причина скандальной репутации полосок?

В данной книге мы не станем ограничиваться периодом

Средневековья и будем говорить не только об одежде. Мы рассмотрим историю полосок и полосатых тканей вплоть до конца XX века и покажем, как каждая эпоха порождала новые практики и культурные коды, не отменяя при этом предыдущих, что постоянно усложняло систему значений, связанных с полосками. Так, во времена Возрождения и романтизма получили распространение «правильные» полоски – знаки праздников или экзотики, а также символы свободы, – что никак не отменяло существования полосок «отрицательных». Современная же культура восприняла все практики и коды предыдущих эпох. В ней есть место всему: полоски, сохранившие «дьявольские» коннотации (унизительная полосатая одежда, которую носили узники лагерей смерти) или сигнализирующие об опасности (например, зебра, шлагбаум, а также другие элементы и знаки дорожного движения); полоски, связанные с гигиеной (постельное и нижнее белье), игрой (игрушки и другие товары для детей) и спортом (спортивные костюмы для отдыха и профессиональная экипировка), и, наконец, полоски как эмблематическая единица – атрибут униформ, знаков различия и флагов.

В Средние века полоски говорили о прегрешении и нарушении нормы. Однако с наступлением эпохи Нового времени они постепенно превращаются в элемент упорядочивания действительности. Но хотя полоски и организуют мир и общество, сами по себе они по-прежнему противятся любой организации и жестким рамкам. Для них годится любая по-

верхность, более того, они могут сами создавать поверхности, переходя, таким образом, в пространство бесконечности: любую полосатую поверхность можно представить как одну из полос на другой поверхности, также полосатой, но на порядок больше и так далее. Семиотика полосок поистине неисчерпаема².

Именно поэтому в последующих главах мы будем говорить не столько о семиотике, сколько о социальной истории. Занявшись проблемой полосок, в конечном итоге задаешься вопросом: как визуальное и социальное связаны между собой в рамках одного сообщества? Почему, например, на Западе в течение очень долгого времени для обозначения социальной иерархии обходились исключительно визуальными средствами? Значит ли это, что зрение классифицирует лучше, чем слух и осязание? Всегда ли *видеть* значит *классифицировать*? Ведь для многих культур, не говоря уж о животных, это вовсе не так. Почему знаки, маркирующие подозрительных личностей, опасные места и отрицательные свойства, всегда ярче и заметнее по сравнению с обозначениями «положительных» предметов и персонажей? Почему в распоряжение историков попадает больше источников пейоративного, чем «хвалебного» характера?

Здесь мы планируем лишь вкратце наметить ответы на эти

² В настоящем исследовании семиотика полосок рассматривается прежде всего в социальном контексте. Естественно, проблема заслуживает более разностороннего структурного анализа – это станет темой следующей работы.

большие и сложные вопросы – потому что, во-первых, эта книга задумана как небольшое издание³, а во-вторых, полоски сами по себе являются столь динамичной структурой, что и нам придется двигаться очень быстро – иначе за ними просто не угнаться. Полоски не знают статики, они все время в движении; именно этим они всегда привлекали к себе художников – живописцев, фотографов и режиссеров. Они как бы оживляют все, к чему прикасаются, вечно стремятся вперед, точно гонимые ветром. В Средние века Фортуну, вращающую колесо человеческой судьбы, часто облачали в полосатое платье. И сегодня на школьном дворе дети, одетые в полосатые одежды, выглядят особенно энергичными, выделяясь среди других учеников. То же мы видим на стадионах и спортивных площадках – кажется, что полосатые кроссовки бегут быстрее, чем одноцветные⁴. А значит, и книга, посвященная полоскам, должна отличаться особой расторопностью и быстротой.

³ Идеи, высказанные в данной книге, могут показаться развитыми не до конца – это связано прежде всего с невозможностью сопроводить текст достаточным количеством иллюстраций. Кроме того, в своей работе я счел уместным не разбирать подробно все случаи и ограничился общим обзором. Думаю, это правильный подход, особенно на первых порах, ведь перед нами, что называется, непаханая нива. Однако я не теряю надежды издать в будущем большой иллюстрированный справочник по истории полосок и полосатых тканей.

⁴ Маркетологи всемирно известной компании Adidas не ошиблись, сделав своей эмблемой три параллельные линии – на одежде и обуви они становятся полосками, что способствует их высокой продаваемости. Эти три полоски замечательно воплощают в себе идею скорости и успехов в спорте.

Дьявол в полосатых одеждах (XIII–XVI века)

Любой скандал оставляет после себя свидетельства и документы. Именно поэтому в распоряжении историков часто оказывается больше данных о нарушениях социальных норм, чем о самих нормах. И если мы посмотрим на историю полосок и полосатой одежды в эпоху позднего Средневековья, то увидим тот же парадокс. Источники умалчивают об одноцветной одежде, поскольку она представляет собой нечто обыденное и повседневное, «норму». Полосатая одежда, напротив, достаточно широко представлена в документах – ведь она вызывает толки и вносит сумятицу.

Скандал с кармелитами

В середине XIII века во Франции разразился скандал. Если точнее – в конце лета 1254 года, когда Людовик IX Святой вернулся в Париж после неудачного крестового похода, драматичного плена и четырехлетнего пребывания на Святой земле. Король вернулся не один – его сопровождали несколько десятков монахов, в том числе кармелиты. Именно их появление вызвало настоящий скандал в обществе: они были одеты в полосатые плащи!

Орден братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель ведет свою историю с XII века, когда несколько монахов-отшельников поселились в Палестине, рядом с горой Кармель, уединившись для молитвы и умерщвления плоти. В 1154 году, согласно преданию, они объединились под началом рыцаря из Калабрии по имени Бертольд. Затем их ряды пополнили паломники и крестоносцы. В 1209 году Иерусалимский патриарх утвердил кармелитам монашеский устав, отличающийся чрезмерной строгостью. Но позднее этот устав был смягчен папой Григорием IX, который позволил монахам селиться в городах и заниматься проповеднической деятельностью. Так кармелитский орден вошел в число орденов нищенствующих монахов, наряду с францисканцами и доминиканцами; по своему устройству он практически ничем от них не отличался. Как и представители других нищенствующих

щих орденов, кармелиты стали преподавать в университетах, в Болонье и Париже⁵. Когда же для Латино-Иерусалимского королевства, вынужденного постоянно отражать мусульманскую угрозу, настали тяжелые времена, они окончательно покинули Святую землю. Собственно, в Европе кармелиты поселились за несколько лет до возвращения Людовика Святого (в Кембридже, например, они жили начиная с 1247 года), но интересующие нас события относятся к 1254 году, когда они прибывают в Париж, что и положило начало полемике об одежде, затянувшейся на несколько десятилетий.

До нас не дошло ни одного изображения, на котором было бы видно, во что одевались члены ордена в середине XIII века. В то же время существует огромное количество письменных свидетельств. Относительно цвета рясы источники противоречат друг другу, называя коричневый, рыжеватый и даже серый и черный цвета. Но все они сходятся в одном: кармелиты носили плащ в полоску – бело-коричневую или, как сообщают некоторые источники, черно-белую. Довольно рано возникла легенда, приписывающая кармелитскому одеянию библейское и поистине *небесное* происхождение. Согласно ей, точно такой же плащ был у пророка Илии, счи-

⁵ Не существует современных исследований по истории кармелитов. Труд отца Андре из обители Святой Марии (p. André de Sainte-Marie. L'ordre Notre-Dame du Mont-Carmel. Etude historique. Bruges, 1910) все еще не утратил актуальность. Интересующимся рекомендую также прочесть статью отца Мельхиора из этого же монастыря: p. Melchior de Sainte-Marie. Carmel // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastique. T. XI. Paris. 1949. Col. 1070–1103.

тавшегося покровителем ордена: вознесясь на небо в огненной колеснице, он сбросил своему ученику Елисею свою белую мантию, на которой образовались коричневые полосы – следы его прохождения сквозь пламя. Легенда сама по себе красивая, причем Илия был выбран не случайно: это одна из наиболее популярных в Средневековье библейских фигур и один из немногих героев Священного Писания, удостоившихся вознесения. Кроме того, мантия в Средневековье – знаковое, символическое одеяние, а ее передача от одного лица к другому всегда связана с обрядами перехода.

Некоторые тексты конца XIII века, увлеченные поиском символов, уточняют, что на кармелитском плаще было четыре белых полосы, представляющие четыре основных добродетели (сила, справедливость, благоразумие и умеренность), а между ними – три полосы коричневого цвета, напоминающие о трех христианских добродетелях (вера, надежда, любовь).

В реальности не существовало правил, которые бы регламентировали количество, ширину и угол наклона полосок на кармелитском плаще. Что касается более поздних изображений, там встречаются самые разные полоски – узкие и широкие, вертикальные и горизонтальные и даже расположенные по диагонали; видимо, все это было не принципиально и не несло никакого символического значения. Главное, что плащ должен был быть в полоску, то есть не однотонным, чтобы не походить на плащи представителей других

орденов – нищенствующим, уставным и военным, – словом, он должен был быть особенным. В результате отличие оказалось настолько сильным, что граничило с нарушением неписаных правил.

Стоило кармелитам появиться в Париже, как они сразу же стали жертвами насмешек со стороны простого народа. На них показывали пальцами, их поносили, издевательски именуя «мечеными братьями», *frères barrés* – прозвище крайне оскорбительное, поскольку в старофранцузском *barre* («полоса», «прочерк») содержатся пейоративные коннотации, связанные с незаконным происхождением; это значение сохранилось в геральдике⁶.

Подобные шуточки преследовали монахов не только в Париже. Всюду, где бы они ни оказались – в Англии и Италии, Провансе и Лангедоке, в долинах Роны и Рейна, – их подвергали жестокой травле.

Иногда дело не ограничивалось лишь словесными насмешками – известны случаи физического насилия по отношению к монахам. Иногда им «задают трепку», как, впро-

⁶ Вероятно, перевязь (диагональная полоса, пересекающая щит справа налево) стала знаком незаконного происхождения потому, что она как бы перечеркивает щит, делая из него «герб наоборот». См.: L. Bouly de Lesdain. *Les brisures d'après les sceaux // Archives héraldiques suisses*. Т. 10. 1896, особенно pp. 124–128; Woodward J., Burnett G. *A Treatise on Heraldry British and Foreign*. 2-nd ed. London, 1896. Pp. 542–582; Mathieu R. *Le Système héraldique français*. Paris, 1979. Pp. 186–187. Об истории геральдического термина «перевязь» и проблемах, связанных с его интерпретацией, см.: Brault G. J. *Early Blazon. Heraldic Terminology in the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Oxford, 1972. Pp. 116–117.

чем, и доминиканцам с францисканцами. Последние раздражали людей тем же, чем и кармелиты, – они жили в городе, бок о бок со светским населением (а не в изолированных аббатствах, как положено в других орденах); но им ставили в вину не ношение неподобающей одежды, а совсем другие вещи⁷. Их обвиняли в скупости, лицемерии и вероломстве, видели в них приспешников дьявола и Антихриста. А кармелитов, которые также существовали за счет милостыни, но чей орден был менее могущественным, не имел такого влияния среди высшей аристократии и не был связан с инструментами подавления, как в политической, так и в религиозной сфере, – бедных кармелитов упрекали прежде всего в том, что они носят полосатые плащи.

Правда, к парижским кармелитам, поселившимся на пра-

⁷ Впрочем, многочисленные сведения о манере одеваться, принятой у францисканцев (в XIII–XIV веках она привела некоторых монахов к крайностям аскетизма), позволяют усмотреть связь между вещами в полоску и чересчур заплатанной и поношенной одеждой. Более того, в старофранцузском языке глагол *гауег* («линовать») иногда употреблялся в смысле «портить» и «разрушать»; а излишняя пестрота одежд в те времена служила маркером бедности или крайней степени их изношенности. Так, в 1336 году папа Бенедикт XII в своей булле просит короля Неаполитанского изгнать из королевства братьев бедной жизни (фратичелли), ратующих за бедность в рамках всей Церкви, особенно в том, что касается одежды: «...некие извращенные люди, называющие себя братьями нищей жизни и другими именами, которые носят короткие безобразные плащи, разноцветные или сшитые из разных лоскутов». О диспутах о бедности внутри францисканского ордена см.: Lambert D. *Franciscan Poverty*. London, 1961, а также соответствующие главы в труде: Sessevalle F. de. *Histoire générale de l'ordre de saint François: Le Moyen Age*. 2 vol. Bruxelles, 1940.

вом берегу Сены, была еще одна претензия: уж слишком часто они оказывались возле монастыря бегинок, расположенного неподалеку от их обители. В одном из своих язвительных памфлетов, направленных против нищенствующих монахов – «зловредных хозяев города», поэт Рутебеф издевается над этим опасным соседством:

Меченые часто млеют
От бегинок, их имеют
по-соседски, стоит только
Постучаться в дверь...⁸

Но самой большой проблемой остается пресловутый плащ в полоску. В начале 1260-х годов возмущение горожан достигло такого размаха, что папа Александр IV специально попросил членов ордена сменить полосатый плащ на однотонный. Они отказались. Полемика на эту тему возобновилась с новой силой, в ход пошли угрозы. Конфликт усугубился. Он продлился более четверти века: в нем один за другим принимали участие десять римских пап. В 1274 году на вселенском соборе в Лионе принципиальность кармелитов

⁸ Faral E., Bastin J. OЕuvres Complètes de Rutebeuf. Paris, 1959. T. I. P. 324. Рутебеф также уточняет, что кармелиты «толстые» и «крепко сбитые», а у бегинок «нежная кожа». Оба монастыря располагались на месте нынешней обители целестинцев, на правом берегу Сены, в квартале Арсенал. Кроме того, позволим себе предположить, что «*gue des Barres*» – распространенное в больших городах название улицы – в прошлом звучало как «*gue des Barrés*» или «*gue des Frères-Barrés*», то есть «улица меченых братьев».

в этом вопросе поставила под угрозу существование ордена как такового. И если орден не был запрещен, как двадцать других «второстепенных» нищенствующих орденов, то только благодаря тому, что новый глава ордена Пьер де Мийо (1274–1294) пообещал подчиниться воле понтифика и как можно скорее урегулировать вопрос с полосатым плащом. Однако потребовалось еще тринадцать лет, долгих тринадцать лет с бесконечными спорами, переговорами, атаками и отступлениями. Наконец, в 1287 году на общем капитуле в Монпелье, в день Святой Марии Магдалины, кармелиты приняли решение отказаться от полосатого одеяния и отныне облачаться в белую мантию. Впрочем, кармелиты, проживающие в отдаленных провинциях, таких как Рейнская область, Испания или Венгрия, отказались подчиняться и продолжали носить плащ в полоску вплоть до начала XIV века. В итоге в 1295 году папа Бонифаций VIII издал буллу, в которой подтвердил постановление 1287 года о новом одеянии для кармелитов и запретил монахам всех орденов рядиться в полосатые мантии⁹.

⁹ Monsignano E., Ximenez J. A. Bullarium Carmelitanum. Roma, 1715. T. I. Col. 35b–37a, 45b–46a; Wessels G. Acta capitulorum generalium ordinis Beatae Virginis Mariae de Monte Carmelo. Roma, 1912. T. I. P. 8.

Полосатые ткани – нехорошие ткани

Как возник этот запрет? Откуда берет начало это недоверие ко всему полосатому и презрение к тем, кто одевается в подобную одежду? В XIX веке ученые предположили, что кармелитский плащ вызывал ассоциацию с восточной одеждой – так называемой галабеей, которую и сегодня можно увидеть на улицах некоторых исламских стран. Видимо, полосатая мантия кармелитов вызывала неприятие у христиан именно потому, что напоминала им одежду неверных. Это логично, если вспомнить, как за несколько десятилетий до этого весь христианский мир был шокирован поведением императора Фридриха II, который одевался и жил «как сарацин» в своем палермском дворце.

Впрочем, существует и другая версия происхождения «плаща позора», предложенная самими кармелитами в XVIII веке: на заре образования ордена полосатый плащ был навязан им мусульманскими властями Сирии, поскольку ислам запрещал христианам носить белые одежды – согласно Корану, они предназначены для людей знатных и высокопоставленных¹⁰. Возможно, в этом историко-культурном, почти позитивистском объяснении есть доля истины; но оно не передает всей глубины проблемы, сводя ее к вопросам эт-

¹⁰ См. соответствующую статью: père Zimmermann. Les réformes de l'ordre du Carmel // Etudes carmelitaines. 1934. Octobre. T. XIX/2. Pp. 155–195.

нической или религиозной принадлежности, в то время как речь идет о более фундаментальном культурном явлении.

Случай с кармелитами отнюдь не является чем-то исключительным. В Западной Европе было немало других людей и социальных групп, пострадавших от ношения одежды в полоску. Быть может, истоки происхождения кармелитского плаща не так уж и важны? Главное, вся эта история подтверждает тот факт, что, где бы ни появились полоски, – будь то одеяние монаха или жонглера, шаровары принца или рукава куртизанки, стены церкви или шерсть животных, – они всегда оказываются чем-то провокационным или по меньшей мере маргинальным.

Обратимся к истории костюма. Начиная с эпохи Каролингов источники постоянно сообщают о дискриминации по отношению к людям, носившим одежду в полоску. И хотя больше всего документов на эту тему, естественно, датируется второй половиной XIII века и касается ордена кармелитов, в нашем распоряжении остается немало других средневековых текстов, как более ранних, так и более поздних. Читателю достаточно одного абзаца или даже фразы, чтобы почувствовать, с каким позором было сопряжено ношение полосатой одежды.

Прежде всего, речь идет о декретах, принятых и многократно подтвержденных на епархиальных синодах, провинциальных ассамблеях и вселенских соборах, которые запрещали духовным лицам одеваться в двуцветную одежду – из

двух равных половинок (*vestes partitae*), в полоску (*vestes virgatae*) или в клетку (*vestes scacatae*). В 1311 году этот запрет был подтвержден на Венском соборе, где проблеме одежды было уделено особое внимание¹¹. Тот факт, что церковь была вынуждена вновь и вновь обращаться к этой теме, говорит о том, что эти предписания не соблюдались, несмотря на строгие санкции, применявшиеся к нарушителям в некоторых епархиях. Так, например, в 1310 году в Руане некто Колен д'Оришье, сапожник и, «как поговаривали», клирик (*que l'on disoit estre cleric*), был приговорен к смерти за то, что, во-первых, оказался женат, а во-вторых, что «был замечен в полосатой одежде»¹²

¹¹ Библиография по теме весьма обширна, см., в частности: Trichet L. *Le costume du clergé*. Paris, 1986. Pp. 72–73.

¹² Архивный адрес цитируемого документа: Rouen, archives départementales de la Seine-Maritime, G. 1885, pièce n. 4. Я признателен Клаудии Рабель, моей хорошей подруге, которая сообщила мне об этом документе и переписала его для меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.